

АЛЕКСАНДРА ИШИМОВА

ИСТОРИЯ РОССИИ В
РАССКАЗАХ ДЛЯ
ДЕТЕЙ. XV– XVII ВЕКА

Александра Осиповна Ишимова
История России в рассказах
для детей. XV– XVII века
Серия «Классика в школе (ЭКСМО)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39434702
История России в рассказах для детей. XV–XVII века:
ISBN 978-5-04-099018-4

Аннотация

В книгу включены главы «Истории России в рассказах для детей» А.О. Ишимовой, посвященные истории России XV – XVII веков, которую изучают в средней школе.

Содержание

Два хитрых врага	5
Ссора на свадьбе великого князя Василия III Димитрий Шемяка	12 20
Последние годы княжения Василия Темного	25
Великий князь Иоанн III и греческая царевна София	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александра

Осиповна Ишимова

История России в рассказах

для детей. XV–XVII века

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

*** * ***

Два хитрых врага

1395–1425 годы

Бог любит отечество наше, милые дети! Сколько бед и несчастий оно переносило! И страшные завоеватели чужеземные, и собственные князья русские разоряли, жгли, опустошали его. Благородные, великодушные государи должны были преклонять колени перед дикими варварами, должны были более 200 лет беспрестанно дрожать не только за жизнь подданных своих, но и за свою собственную. Кроме татар, этих бесчеловечных мучителей России, сколько еще других врагов желали погубить ее! Сначала печенеги и половцы, потом шведы, датчане, немцы, литовцы, поляки, венгры – все, в свою очередь, нападали на русских и истребляли их. Среди таких опасностей что другое, кроме любви и помощи Божией, могло спасти их? И как премудро посылалась им эта помощь! Когда в Орде царствовал хан, более других любивший войну и кровопролитие, – тогда России Бог посылал храброго князя, который умел противиться злому татарину; когда царь татарский любил спокойную и веселую жизнь в Сарае и деньги – тогда на русском престоле был щедрый и миролюбивый князь, который радовался, что деньгами, а не кровью мог покупать спокойствие своих подданных. Когда соседней Литвой управлял злой, жестокий, жадный Ольгерд –

тогда у нас был умный, неустрашимый Димитрий Донской. Когда литовским князем сделался хитрый Витовт, племянник Ольгерда, – тогда великим князем московским был не менее хитрый сын Донского Василий II. Более двадцати лет продолжались ссоры этих двух князей, несмотря на то что дочь Витовта София была замужем за Василием Димитриевичем. Оба они были примечательными людьми, и потому читатели мои, верно, захотят узнать несколько подробнее их историю.

Витовт был одним из самых жестоких и сильных завоевателей. Король Ягайло, сделавшись супругом прекрасной наследницы польского престола Гедвиги, уже не думал о войне и, не заботясь о Литовском княжестве, не выезжал никуда из польской столицы своей – Кракова. Витовт, воспользовавшись этим, овладел Литвой, а через некоторое время и Волынью.

Но все это казалось мало ненасытному: в 1395 году он завладел Смоленском, так что кроме литовских земель ему уже принадлежала вся старинная земля вятичей, т. е. нынешняя Орловская губерния с частью Калужской и Тульской, множество удельных городов князей черниговских, – одним словом, Витовт был государем всей Южной России и замышлял отнять у Василия Димитриевича и последние оставшиеся у него области, где сохранялась жизнь и будущее величие русских. Сколько надобно было Василию иметь мужества, благоразумия, осторожности и даже хитрости, чтобы не допу-

стить исполнения этого намерения! Ему это удалось, и Витовт, видя твердость русского князя, отказался от своих замыслов и в последние годы княжения Василия жил в мире с ним. Гордость его была во многом усмирена татарами. Чрезвычайная страсть повелевать другими и отнимать чужие владения внушила ему однажды мысль победить Тимура-Кутлука, а потом и покровителя его – самого Тамерлана. Чтобы завести ссору с Кутлуком, он призвал к себе изгнанного из Орды хана Тохтамыша и обещал возвратить ему опять татарский престол. Тохтамыш обрадовался такому счастью: литовский князь уже давно славился своей силой и храбростью, и на помощь его можно было надеяться. Они отправились на татар. Витовт приглашал в этот поход и зятя своего Василия Дмитриевича, но умный великий князь, видя на примере Южной России, что власть литовская для русских еще хуже татарской, и зная, что после победы над татарами уже все должно будет покориться Витовту, сумел отговориться от приглашения тестя и не дал ему войска.

Витовт надеялся, что и без помощи русских справится с татарами, но ошибся. У Тимура-Кутлука был хотя и старый, но умный и храбрый воевода Эдигей. Ему суждено было наказать дерзкого литовского князя, который в первом же сражении был так разбит татарами, что едва мог спасти третью часть своего войска. Хан Тимур-Кутлук гнал его до самого Днепра, взял с Киева 3 тысячи рублей литовского серебра, оставил в этом городе своих баскаков и разорил области Ви-

товта до самого Луцка.

Эдигей был памятен и для Северной России: в 1408 году он приходил разорять ее за позволение, данное великим князем сыновьям Тохтамыша жить в России. Все места от реки Дон до Белого озера и костромского Галича были разорены. Только Москва, благодаря храбрости князя Владимира Андреевича, спаслась. Впрочем, этот поход Эдигея не принес большой пользы татарам: новые беспорядки в Орде заставили его скорее возвратиться туда, а русским дали возможность не слушаться ханов. Вот письмо, которое старый Эдигей послал с дороги великому князю. Оно очень любопытно, потому что покажет вам, как думали и писали тогда наши гордые повелители и как уже мало повиновался им русский великий князь.

«От Эдигея поклон к Василию после думы с царевичами и князьями нашими. Великий хан послал меня на тебя с войском, потому что слышали мы, что у тебя укрываются дети Тохтамыша. Да еще слышали мы, что у тебя в Московском княжестве неправо делается: вы осмеиваете и всячески притесняете не только купцов наших, но даже и послов царских. Так ли бывало прежде? Спроси у стариков; земля Русская была нашим верным улусом, держала страх, платила дань, почитала послов и гостей ординских. Ты не хочешь знать того и что же делаешь? Когда Тимур сел на царство, ты не видал его в глаза, не присылал к нему ни князя, ни боярина. Прошло царство Тимурово; Шадибек восемь лет был

ханом – ты не был у него! Теперь царствует Булат уже третий год: ты, самый старший князь в улусе русском, не являешься в Орде! Все дела твои недобры. Были у вас нравы и дела хорошие, когда жил боярин Федор Кошка и напоминал тебе о ханских благодеяниях. Ныне ты думы старцев не слушаешь. Что же вышло? Разорение твоему улусу! Хочешь ли княжить мирно? Призови на совет бояр старейших – Илью Иоанновича, Петра Константиновича и других, согласных с ними в доброй думе; пришли к нам одного из них со старинными оброками, какие вы платили царю Чанибеку, чтоб не погибло совсем твое царство. Все, что ты писал к хану о бедности народа русского, несправедливо: мы теперь сами видели твой улус и узнали, что ты собираешь в нем по рублю с двух сох. Куда же идет серебро? Земля христианская осталась бы цела, когда бы ты исправно платил дань; а теперь бегаешь, как раб!.. Размысли и научися!..»

Но Василий Димитриевич не испугался этого грозного письма, не исполнил ни приказаний, ни советов Эдигея и вообще во все время своего тридцатишестилетнего княжения менее всех прежних великих князей платил дань татарам и менее всех признавал власть их над собою. Это приметно и из духовного завещания его, в котором он уже явно, не ожидая согласия Орды, объявляет наследником Великого княжества малолетнего сына своего Василия. Боясь, как бы честолюбивые братья его по прежнему праву дядей не лишили малютку престола, Василий Димитриевич поручил

его покровительству тестя своего – прежнего врага, а потом помирившегося с ним государя литовского. И здесь виден хитрый ум Василия: такая лестная доверенность не могла не внушить гордому Витовту желания оправдать ее перед глазами света. Если бы в голове литовского князя еще оставалась какая-нибудь мысль о завладении Московским государством, то и на этот случай Василий Дмитриевич сумел распорядиться: он дал совету великокняжескому, который состоял из бояр – пестунов маленького государя, письменные наставления, в какой мере должно принимать покровительство Витовта и до чего не допускать его.

В княжение Василия Дмитриевича появились в России разные искусства: Москва славилась хорошими живописцами, которые прекрасно расписывали церкви; были также в ней и литейные мастера, а в 1404 году один монах, Лазарь, родом из Сербии, устроил первые часы с боем, которые поставлены были на великокняжеском дворе, за церковью Благовещения, и стоили 150 рублей серебром. Народ удивлялся этим часам, как чуду, и при каждом бое толпами сходился смотреть и слушать их. У предков наших при Василии Дмитриевиче были также и рыцарские игры, или карусели и турниры. Они называли это *игрушками*. На этих *игрушках* молодые люди иногда наносили смертельные раны друг другу.

Семейство великого князя Василия II Дмитриевича

Супруга:

София Витовтовна, великая княжна литовская

Сыновья:

1. Иоанн, умер в детстве
2. Василий, наследовал престол

Ссора на свадьбе великого князя Василия III 1425–1433 годы

27 февраля 1425 года скончался Василий Димитриевич. Все братья его, бывшие в Москве, обещали ему считать государем своим десятилетнего сына его Василия. Один только Юрий Димитриевич, князь звенигородский, не давал этого обещания и, узнав о смерти брата, отправил посла с угрозами в Москву. Но маленький князь не испугался дяди: у него была умная мать, был сильный опекун, дед его Витовт Литовский, были усердные советники и пестуны, между которыми самым искусным, самым красноречивым и самым хитрым был боярин Иван Димитриевич. Все эти защитники малолетнего государя русского, посоветовавшись между собою, отправили от имени его к Юрию Димитриевичу митрополита Фотия.

Его убеждения подействовали на Юрия: он согласился хотя не совсем отказаться от Великого княжества, но, по крайней мере, до тех пор, пока царь татарский решит, кому оно принадлежит.

Пока шли переговоры об этом с Ордой, новгородские области терпели много горя от Витовта: жадность к завоеваниям не уменьшилась в нем и в глубокой старости. Ему давно

хотелось завладеть сильным Новгородом, все области которого были богаты и велики. Первое место между ними занимал Псков, родина Святой Ольги. Новгородцы были так довольны услугами псковитян, всегда защищавших их от литовцев и литовцев, что в 1348 году сняли со Пскова верховную власть свою и назвали его *братом* Новгорода. С тех пор псковитяне имели во всем одинаковые права с новгородцами, имели такое же вече, какое было на дворе Ярослава; но со времен Калиты такое вече уже не много значило и в Новгороде, и во Пскове: великие князья московские не позволяли им иметь особенных князей и посылали к ним только своих наместников. Новгородцы, привыкшие всегда сами выбирать и по своей воле сменять князей, не любили Москву и при каждом случае показывали эту нелюбовь. Витовт умел пользоваться этим и старался еще более разжигать ссоры Новгорода с Москвой, надеясь, что эти ссоры, отнимая мало-помалу силы у обоих врагов, помогут ему овладеть первым. Такие намерения, вредные для отечества нашего, верно, исполнились бы, если бы Витовт был моложе или наследники его имели столько же ума и страсти к завоеваниям, как он. Но, к счастью России, слава народа литовского началась и кончилась с Витовтом. Он умер в 1430 году – и умер от досады. Вы удивляетесь этому, читатели мои? Тогда слушайте.

Витовту очень хотелось назваться королем литовским. Ягайло, король польский и настоящий владетель Литвы, был согласен на это. Папа римский также. Но паны, или вель-

можи польские, не желая видеть отделения Польши от Литвы, тайно старались переделать все это, а между тем не мешали Витовту звать гостей на свое коронование и готовить для них пышные праздники. Гости съехались. Это были князья русские и польские, ханы татарские, господарь Валахии, послы императора греческого, ландмаршал ливонский, король Ягайло, великий князь Василий Васильевич, внук Витовта. Молодого государя русского провожал митрополит Фотий. Историки того времени говорят, что этот торжественный съезд такого множества знаменитых князей представлял необыкновенную, прекрасную картину. Седой восьмидесятилетний хозяин, окруженный первыми вельможами литовскими, угощал посетителей своих так пышно, что во всей Европе с удивлением рассказывали о его праздниках. Вообразите себе, что из погребов княжеских отпускалось каждый день 700 бочек меду, кроме вина и пива, а на кухню привозили 700 быков, 1400 баранов, 100 зубров, столько же лосей и кабанов! Около семи недель продолжались эти пиры. Витовт с каждым днем ожидал, что приедет посол римский короновать его, но вместо короны он привез от папы отказ. Гордый старик так огорчился, что заболел, распрощался с гостями, которые поспешили разъехаться, и через несколько дней скончался. После смерти его владел Литвой двоюродный брат его Свидригайло, потом родной – Сигизмунд, наконец сын Ягайла – Казимир. Все эти государи уже совсем не походили на храброго, неустрашимого, хитрого Витовта.

Верно, князь Юрий Димитриевич боялся этого опекуна молодого великого князя: при жизни его он не напоминал Василию Васильевичу об условии их просить суда ханского, но тотчас после смерти Витовта объявил опять свои притязания на великокняжеский престол. И вот дядя и племянник поехали в Орду, к царю Махмету. При отъезде великого князя из Москвы народ в первый раз увидел слабый нрав его: он боялся одной мысли ехать к татарам и плакал не от печали по матери и отечеству, а от страха погибнуть в Орде так же, как погибли там многие русские князья. Его ободрял и утешал во время всей дороги боярин Иван Димитриевич. Редко кто умел так красноречиво говорить, как этот хитрый советник великого князя! К тому же у него была дочь, которую ему очень хотелось видеть великой княгиней. Он уже несколько раз намекал об этом своему воспитаннику, и молодой Василий Васильевич не отговаривался. Гордому Ивану Димитриевичу казалось даже, что великий князь уже согласен назвать прекрасную дочь его своей невестой: мы охотно верим тому, чего желаем.

Иван Димитриевич с новым жаром принимается за дело будущего зятя своего, ласковыми словами и богатыми подарками склоняет всех вельмож ханских в пользу молодого князя и наконец с полной надеждой на успех является с ним в назначенный день суда к хану Махмету. Хан уже знал, что Василий доказывал свое право на престол новым законом государей московских, по которому сын после отца,

а не брат после брата был наследником. Дядя же его находил этот закон несправедливым и хотел быть великим князем по прежнему установлению. Когда князь Юрий кончил жаркую речь свою, боярин Иван Дмитриевич, сделав низкий поклон, стал перед Махметом и сказал: «Царь верховный! Позволь мне, смиренному холопу, говорить за моего молодого князя. Юрий ищет Великого княжества по старинным грамотам русским, а государь наш – по твоей милости, зная, что оно в твоей воле: отдашь его кому хочешь. Один требует, другой просит. Что значат все грамоты против воли твоей? Шесть лет уже Василий Васильевич на престоле: ты не свергнул его, стало быть, сам признавал государем законным». Эта льстивая, хитрая речь так понравилась хану, что он тут же обнял молодого Василия, поздравил его и приказал Юрию *вести под ним коня*: это азиатское обыкновение означало власть верховного государя над князем, зависящим от него, но Василий Васильевич не допустил дядю до такого унижения. Возвратясь в отечество, они, казалось, уже забыли свои несогласия и жили спокойно, каждый в своем владении, как вдруг совсем неожиданно вспыхнула между ними новая кровопролитная ссора, и вот по какой причине.

Боярин Иван Дмитриевич, приехав из Орды, с нетерпением ожидал, когда великий князь, так много обязанный ему, назначит день свадьбы с его дочерью. Но, к удивлению его, через несколько месяцев заговорили о свадьбе государя и невестой объявили не дочь Ивана Дмитриевича, а княж-

ну Марию Ярославну, внучку знаменитого и так любимого народом князя Владимира Андреевича Храброго. Иван Димитриевич поклялся отомстить за эту обиду великому князю. Не дожидаясь окончания свадьбы, он уехал в костромской Галич, к дяде его Юрию Димитриевичу, и предложил ему погубить Василия.

Между тем как эти два жестоких врага князя выдумывали средства отомстить за себя, новая ссора в Москве доставила им еще двух усердных помощников.

Два сына Юрия Димитриевича, Василий Косой и Димитрий Шемяка, остались в Москве пировать на свадьбе молодого государя – двоюродного брата своего. Косой был в это время сговорен на внучке боярина Ивана Димитриевича. Дедушка невесты в день сговора подарил жениху золотой пояс с цепями, осыпанный драгоценными камнями. Зная богатство Ивана Димитриевича, Косой не спрашивал, откуда у него этот прекрасный пояс, а только любовался его чудесной отделкой, блеском изумрудов и рубинов, красотой искусно сделанных цепочек. Он очень хотел обновить дорогой подарок на каком-нибудь празднике, и вскоре случай представился. На 8 февраля 1433 года назначена была свадьба великого князя. Весело отправился во дворец Василий Юрьевич в золотом своем поясе и уже заранее предвкушал, как удивит всех гостей богатым нарядом своим. Он точно удивил, но зато и сам был удивлен. Когда молодые приехали из церкви и гости сели за пышный стол, один из бояр ростов-

ских начал всматриваться в драгоценный пояс Косого, как будто припоминая что-то знакомое. Наконец, оборотясь к матери великого князя княгине Софии, боярин тихо сказал: «Государыня, видишь ты пояс на князе Василии Юрьевиче? Он из кладовых великокняжеских. Этот пояс подарен князем Димитрием Константиновичем Суздальским зятю его, нашему незабвенному государю Дмитрию Донскому. В день свадьбы его он затерялся: говорили, что будто бы один из самых близких к великому князю бояр подменил его, но до сих пор неизвестно было, кто именно. Я удивляюсь, как мог этот драгоценный для всех нас пояс попасть к молодому Василию Юрьевичу!» Пылкая, гордая София, имевшая причину не любить семейство Юрия Димитриевича, обрадовалась и дорогой находке, и случаю сделать неприятность сыну врага своего. Поспешно подошла она к Василию Юрьевичу, надменно спросила, где взял он богатый пояс свой, и, не дожидаясь ответа, собственными руками сорвала его.

Удивление и гнев молодого князя были неопишуты. Не имея понятия о том, что пояс достался боярину Ивану Димитриевичу потому, что был подменен одним из его предков, Василий Юрьевич видел в нем только подарок деда невесты своей и не хотел лишиться его. Брат его Димитрий Шемяка держал его сторону, но спорить было нельзя: пояс был уже в руках Софии Витовтовны, которая приказывала молчать сыновьям Юрия.

Кровь вскипела в молодых князьях от такой жестокой

обиды. В бешенстве выбежали они из дворца и в тот же час отправились в Галич, к отцу. Там давно ожидали их два старика, ненавидевшие великого князя. Рассказ о новой обиде еще более увеличил их злобу, и вы увидите, сколько новых несчастий вытерпели предки наши за свадьбу государя своего с княжной Марией Ярославной и за пояс Василия Косого.

Димитрий Шемяка

1433–1446 годы

Из всех врагов, которых доставил великому князю день его свадьбы, самым жестоким был Димитрий Шемяка. Ни дядя Юрий, ни сын его Василий Косой, ни даже мстительный боярин Иван Димитриевич не причинили столько зла великому князю, как этот двоюродный брат его. Правду сказать, что и он сам не всегда был справедлив и очень часто заслуживал те несчастья, какие терпел. Шемяка был, кажется, назначен Богом на то, чтобы показать великому князю, что и в здешнем мире зло бывает наказано.

Свадебные праздники Василия Васильевича были, кажется, последними приятными днями для этого несчастного государя: не прошло месяца после них, как уже Юрий Димитриевич с сыновьями своими изгнал его из Москвы и, из милости дав ему в удел город Коломну, объявил себя великим князем. Правда, княжение его продолжалось всего несколько месяцев, и Василий опять возвратился в Москву, но Юрий мог бы сделаться для него опасным, если бы вскоре не умер. Однако с ним не умерли все враги Василия, и сыновья его Косой и Шемяка имели точно такие же честолюбивые намерения, как и отец их. Косой, как старший, объявил свое право на великокняжеский престол и уже пошел

к Москве, но великий князь с верными москвитянами, чрезвычайно любившими его, победил гордого брата своего и тогда же обесславил себя ужасным злодейством, напомнившим России XII век и несчастного Василька Ростиславича: он приказал ослепить Василия Косого! Такой жестокий поступок уменьшил любовь русских к великому князю и извинил несколько все зло, каким впоследствии отомстил ему Шемяка за несчастье брата. Сначала этот хитрый князь не показывал Василию своей ненависти и даже вместе с ним называл врагом отечества бедного слепца, но это все было только для того, чтобы получить во владение те богатые уделы, которыми великий князь хотел вознаградить его за несчастье Косого. Когда новые области были ему отданы, он начал думать о мщении и недолго искал к тому случая: в России, окруженной со всех сторон врагами, такие случаи были нередки.

В 1437 году хан татарский Махмет был изгнан из Орды братом своим Кичимом. Сделав в царствование свое много добра для Василия Васильевича, он надеялся жить спокойно в отечестве нашем и приехал в один из городов русских. Но Василий не помнил благодеяний и, узнав о приезде Махмета, тотчас приказал ему удалиться из пределов России. Хан, обиженный такой неблагодарностью и привыкший видеть в великом князе своего данника, не хотел послушаться его, имея у себя 3 тысячи воинов. Василий послал на него войско под начальством Шемяки. Заранее радовался Шемя-

ка приятному случаю досадить брату: все селения, мимо которых проходил он, были разграблены, а у стен маленького городка, где жил Махмет, русское войско вместе с начальником своим пришло в такой страх, что, почти не начиная сражения, пустилось бежать. Татары удивились и, поскакав за беглецами, почти всех изрубили.

Злой умысел Шемяки в этом деле был явный, но совесть все еще мучила великого князя за ослепление Косого, и, не смея наказывать брата его, он оставил Шемяку спокойно княжить в уделах, ему данных.

Между тем хан Махмет, зная, что ему нельзя долго жить в России и спорить с Василием, пошел через мордовскую землю в Болгарию, к тому месту, где была Казань, разоренная русскими в 1399 году. Это прекрасное, изобильное место, любимое татарами Батыею, понравилось и потомкам их, и изгнанный хан капчакский возобновил знаменитое царство Казанское, которое потом около ста лет было страшно для русских. Слух о ласковости и добродушии Махмета, о выгодах, какие доставлял он всем желавшим поселиться в Казани, привлекал к нему новых жителей со всех сторон. Кроме болгар, черемисов, татар, к нему приезжали целые семейства из Золотой Орды, из Астрахани, Азова, так что Казань через несколько месяцев наполнилась людьми. Спустя год Махмет ходил уже грабить Московское княжество, а в 1445 году историки наши говорили о настоящем нашествии на Россию казанского царя. Он взял Нижний Новгород, а двух сыновей

своих послал к Суздалью. Это нападение было так неожиданно, что великий князь не успел собрать всех своих защитников, а Шемяка опять обманул его: не поехал сам к нему на помощь и не прислал обещанного войска.

Этот обман дорого стоил великому князю: имея только 1500 воинов, он не только был разбит татарами при Суздале, но даже взят в плен с простреленной рукой, с тринадцатью ранами на голове и без нескольких отсеченных пальцев.

Как радовался Шемяка несчастью Василия, особенно когда Махмет прислал к нему своего мурзу, или вельможу, с дружескими предложениями! Он уже не сомневался, что добьется себе у Махмета великокняжеского престола, а Василию – вечной неволи, как вдруг все переменялось: в то время как казанский царь праздновал в Нижнем Новгороде свои победы, какой-то татарский князь завладел Казанью. Махмет, желая скорее возвратиться в свою столицу, не стал дожидаться возвращения мурзы от Шемяки и отпустил великого князя в Москву, взяв с него только выкуп.

Неожиданное возвращение обрадовало печальное семейство Василия Васильевича и весь народ его, но в то же время встревожило новой досадой сердце Димитрия. Он опять поклялся погубить врага своего и решил не ожидать случая, а скорее кончить дело изменой и заговором.

Для этого ему нужны были помощники, а так как дурных людей везде много, то он скоро нашел их. Главным из них, кроме многих бояр, купцов, дворян и даже мона-

хов, был двоюродный брат Василия и Димитрия Шемяки князь Иоанн Андреевич Можайский. Заговорщики условились внезапно овладеть столицей и схватить великого князя.

Они выбрали время, когда Василий поехал в Троицкий монастырь благодарить Бога и святого Сергия за избавление свое из плена. Это было в 1446 году. 12 февраля ночью злодеи вошли в Кремль и без труда овладели этой крепостью, где все спали, а потом и всей Москвой. В ту же ночь Шемяка отправил в Троицкий монастырь верного друга своего Иоанна Можайского схватить там великого князя. Несчастный государь, вовсе не ожидая жестокой судьбы своей, усердно молился в церкви в ту самую минуту, как злодеи вошли и взяли его перед гробницей святого Сергия. Безо всякой жалости они бросили бедного князя в голые сани и привезли в Москву, прямо на двор к Шемяке. Напрасно умолял он отпустить его, обещая постричься в монахи, напрасно плакал перед врагом своим: Шемяка был неумолим и, чтобы заставить Василия испытать все те страдания, какие терпел от него Василий Косой, приказал ослепить его и потом сослал в Углич.

Тогда же он объявил себя великим князем и во время непродолжительного правления своего показал столько бессмысленности, столько несправедливости, столько неуважения к прежним законам нашим, что с тех пор появилась в народе пословица о *Шемякином суде*. И теперь еще всякое несправедливое и бестолковое разбирательство какой-нибудь ссоры или дела называют Шемякиным судом.

Последние годы княжения Василия Темного 1446–1462 годы

Василия III со времени ослепления называли Темным или Слепым. Это несчастье – одно из самых горестных для человека – было полезно для него. Оно заставило его раскаяться в прежних несправедливых поступках, примирило совесть его с Богом, сделало опять столь же любимым всеми, как до ослепления Василий Косого. Не прошло года – и эта общая любовь народа возвратила ему великокняжеский престол. С христианской кротостью он простил Шемяку, взяв с него торжественную клятву при епископах никогда не думать о Великом княжестве.

Но для злого человека, который не боится Бога, клятва не много значит: в 1450 году Шемяка опять пошел с войском на великого князя, и 27 января было у них жестокое сражение у Галича, особенно примечательное тем, что оно стало последним в междоусобных ссорах: несчастное несогласие удельных князей скоро утихло под хранительным могуществом одного государя. Шемяка был совершенно разбит москвитянами и, потеряв наследственный удел свой – Галич, убежал в Устюг – город, и теперь существующий в Вологодской губернии.

Более двух лет Василий Темный не тревожил этого мятежника в Устюге, наконец в 1453 году, собрав войско, пошел наказывать его. Еще раз побежденный Шемяка убежал в Новгород и там умер от яда. Неизвестно, кто отравил его, но эта смерть обрадовала многих, в том числе и великого князя.

Избавясь от врага, жестокость которого двадцать лет тревожила отечество наше, Василий Темный спокойнее принялся за дела государственные. В 1456 году он усмирил новгородцев так, как еще ни один из князей не усмирял их. В 1459 году покорил Вятку, которая хотя и была частью Галицкой области, присоединенной к Московскому княжеству еще при жизни Шемяки, но долго не хотела повиноваться Василию.

В последние годы жизни своей великий князь почти не платил никакой дани татарам и счастливо побеждал их, когда они приходили иногда разорять наши области. При нем сделалась известна новая Орда, составленная старым Эдигеем из черноморских татар. Она называлась Крымской и находилась на том самом полуострове Крым, который, верно, известен всем читателям, имеющим понятие о географии России. Эдигей незадолго до смерти, оставляя эту Орду сыновьям своим, просил их не делиться и жить в дружбе между собой, но они не послушали его, разделились и все погибли. Тогда крымские татары выбрали себе в ханы молодого Ази, потомка Чингисхана, спасенного от смерти и воспитанного каким-то земледельцем Гиреем. Из благодарности к своему

благодетелю молодой Ази принял его имя и назвался Ази-Гиреем. С того времени все крымские ханы всегда назывались Гиреями. Эта новая Орда притеснителей нашего отечества долго будет тревожить его!

17 марта 1462 года скончался Василий Темный, несправедливо названный историками первым самодержцем русским со времен Владимира Мономаха. Слабость и малодушие этого князя, приметные во многих случаях, никак не дают ему права на это лестное название, тем более что он не заботился и о том, чтобы соединить все княжества русские под власть одного государя, и, умирая, не оставил всех владений своих старшему сыну и наследнику Иоанну, но дал также уделы и другим сыновьям.

В княжение его приметна была особенная жестокость нравов у предков наших. Два князя были ослеплены, один отравлен ядом; одного боярина вместе с женой сожгли на костре за мнимое волшебство; даже законное наказание преступников было новое, очень жестокое: не только простых, но даже и знаменитых людей, совершивших большие преступления, били на торговой площади кнутом.

В тот год, когда скончался Темный, Греческая империя была завоевана османскими турками. Это несчастье знаменитого государства записано было на память и нашими историками, потому что русские со времени принятия веры христианской привыкли считать Грецию вторым отечеством своим, привыкли любить греков и принимать участие во

всем, что их касалось. В то время у нас говорили о Константинополе точно так же, как теперь говорят о Париже или Лондоне. Строение церквей, домов, даже обычаи и нравы – все перенимали мы у греков. Это пристрастие к ним спасло нас от слишком большого сближения с нашими жестокими врагами – татарами.

Таблица XXXVI

Семейство великого князя Василия III Васильевича Темного

Супруга:

Мария Ярославна, внучка князя Владимира Андреевича

Сыновья:

1. Юрий, умер в детстве	5. Симеон, умер в детстве
2. Иоанн	6. Андрей-младший
3. Юрий	7. Димитрий, умер в детстве
4. Андрей-старший	8. Борис

Великий князь Иоанн III и греческая царевна София 1462–1472 годы

Наконец мы дошли до самого знаменитого из старинных государей наших – до великого князя Иоанна III. Он освободил нас от власти татар, он возвратил отечеству нашему прежнюю славу его, наконец, он воплотил великую мысль об объединении всех удельных областей под властью одного государя.

Сделавшись на двадцать втором году великим князем, наследником отца своего Василия Темного, Иоанн при самом вступлении на престол уже показывал необыкновенную твердость, ум, осторожность в делах государственных. В 1464 году было первое знаменитое дело его: он усмирил гордого царя казанского Ибрагима и, окружив войском Казань, принудил его заключить мир.

В 1470 году началась и два года продолжалась война с Новгородом, беспокойные жители которого все еще искали случая освободиться от власти великих князей. Здесь вы, милые читатели, увидите явление, дотоле невиданное на Руси. Женщина вздумала быть защитницей своей родины – Новгорода – и устроить судьбу его! Это была пылкая, гордая, честолюбивая Марфа, жена бывшего посадника Исаака Бо-

рецкого и мать двух взрослых сыновей. Дом ее был самый богатый в Новгороде; все уважали ее как вдову знаменитого посадника: великий князь в знак особой милости пожаловал старшему сыну ее чин боярина московского, – но всего этого было ей мало: она хотела управлять всем Новгородом и, так как это было невозможно под властью государя московского, начала уверять всех новгородцев, что они напрасно считают себя подданными князей московских, что Новгород сам себе господин, что жители его – вольные люди, что им нужен только покровитель и что этим покровителем надобно выбрать не Иоанна, а Казимира, короля польского и князя литовского. Марфа хотела в это время выйти замуж за какого-то литовского вельможу и вместе с ним от имени Казимира управлять своим отечеством. Однако намерения этой честолюбивой женщины не исполнились, и, хотя послы ее уже отправились к Казимиру, великий князь вовремя пришел с войском к Новгороду и усмирил Марфу и всех друзей ее, изменивших России. Главные изменники, в том числе и старший сын Марфы, были казнены. С нею же Иоанн поступил снисходительно: оставил ее, как слабую женщину, без наказания. Прочие новгородцы внесли за вину свою 15 500 рублей, или около 80 пудов серебра, и, благодаря милости Иоанна, остались со своими прежними законами, со своими правами, с некоторою свободой: великий князь, защищая владения свои то от хана Ахмата, то от польского и литовского короля Казимира, еще не мог иметь столько сил и войска,

чтобы совершенно уничтожить вольность новгородскую, и благоразумно отложил это трудное дело.

В 1472 году случилось в России происшествие, которое заставило все европейские государства с любопытством посмотреть на неизвестную им отдаленную страну.

Это была свадьба великого князя, и надобно сказать правду – не столько жених, сколько невеста делала эту свадьбу примечательной для Европы. Это и не удивительно. Тогда Россия была не то, что теперь. Тогда царь ее был еще подданным татар. Это отдаляло чужеземных принцев от родства с русскими князьями и вынуждало государей наших жениться на княжнах из удельных княжеств, а потом – на своих подданных: такое обыкновение продолжалось до времен Петра Великого.

Но для Иоанна III, в судьбе которого заметно было с самых молодых лет какое-то необыкновенное величие, назначено было и в этом случае нечто особенное. Вскоре после кончины первой супруги его, тверской княжны Марии Борисовны, папа Павел II предложил ему через посла своего, какого-то грека, руку греческой царевны Софии, дочери Фомы Палеолога, брата последнего императора, при котором Греция была завоевана турецким султаном Магометом II. После разорения отечества несчастное семейство царей греческих жило в Риме, где пользовалось всеобщим уважением и покровительством папы.

Папа имел особенную причину благодетельствовать этому

знаменитому семейству: боясь, чтобы жестокость и ужасная сила Магомета II не разорили и его владения, он полагал, что будущий супруг царевны Софии, получив вместе с рукой ее право на константинопольский престол, захочет освободить Грецию от власти турок и тем избавит Италию от страшных соседей.

Эта причина заставляла папу искать жениха для царевны между знаменитыми государями европейскими, и он выбрал Иоанна, самого близкого к грекам по закону. Вероятно, послы польские и литовские и духовенство греческое, жившее после разорения империи в Риме, рассказывали папе о той славе, какую обещали России великие достоинства молодого государя ее.

Иоанн обрадовался предложенной ему чести и вместе со своей матерью, духовенством, боярами и всем народом думал, что знаменитая невеста – последняя ветвь императоров греческих, имевших одну веру с русскими, – послана ему от самого Бога. Прекрасный портрет, где изображено было умное и привлекательное лицо молодой царевны, еще более увеличил радость и благодарность Иоанна папе.

17 января 1472 года отправлены были послы за невестой. С большими почестями приняли их в Риме, и 1 июня царевна в церкви Святого Петра была обручена с государем Белой России¹, которого представлял главный посол его. Папа

¹ Иоанн III начал первым называть государство свое Белою Русью. Слово «белая», по смыслу языков восточных, значит «великая».

дал за царевной богатое приданое и отправил с ней в Россию легата, т. е. посла, которому поручено было охранять ее во время дороги. 24 июня она выехала со всем двором своим из Рима, 1 сентября приехала в Любек, а потом на корабле отправилась в Ревель. Здесь богато угощали ее ливонские рыцари, а в Дерпте встретил посол московский с поздравлениями от имени государя и всей России.

Первая русская область, в которую надобно было въехать царевне, была Псковская. Если бы вы знали, какая суматоха происходила тогда в этой области! Всякий только и думал, как бы показать свое усердие. Правители городов готовяли для будущей государыни подарки, столовые запасы, мед и вина. Вы знаете, что предки наши были очень гостеприимны и любили угощать, и потому не удивляйтесь, что они прежде всего позаботились о вкусных кушаньях и напитках для царевны. Потом они украсили разноцветными флагами и лентами все суда и лодки свои: ведь им надобно было встретить Софию и потом везти ее на судах по Чудскому озеру, потому что тут начинались границы русских владений. С восхищением дождались они наконец этой встречи и показали столько усердия и любви, что царевна была тронута до слез. С удовольствием провела она пять дней во Пскове и, уезжая, ласково сказала жителям: «Спешу к моему и вашему государю, благодарю бояр и весь Великий Псков за угощение и рада при всяком случае просить за вас в Москве». Псковитяне, прощаясь с Софией, поднесли ей в подарок пятьдесят,

а послу Иоаннову десять рублей деньгами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.